

Научная статья

УДК 327.5: 93/94 (410+430+436)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-6-23>

«ГОСУДАРСТВО БЕЗ ПРОЧНОЙ ЗАЩИТЫ ПОДОБНО ЗДАНИЮ БЕЗ КРЫШИ...»: РОССИЙСКОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ НА ЗАПАДНЫХ ГРАНИЦАХ В 80-Х ГОДАХ XIX ВЕКА

**Александр Борисович
Арбеков**

Тульский государственный музей оружия,
Тула, Россия,
arbekoff-alex@ya.ru

Аннотация. В настоящей статье с опорой на широкий спектр трудов отечественных историков изучается процесс эволюции российского военного-стратегического планирования на западном направлении в течение 80-х гг. XIX в. на основе сопоставления документации российского Главного штаба и отчетов по итогам проведения стратегических военных игр 1882 – 1884 гг., проводившихся в Варшавском военном округе.

Источниковой базой для настоящего исследования послужили делопроизводственные документы, хранящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве, из фондов Военно-ученого и Мобилизационного комитетов Главного штаба и штаба Варшавском военного округа. Кроме того, в работе привлекались документы из личного фонда Военного министра Д. А. Милютин Отдела рукописей Российской государственной библиотеки, доклады Разведывательного департамента Военного министерства Великобритании из оцифрованных фондов Национальных архивов Великобритании (The National Archives, Kew), опубликованные военно-статистические сборники, издававшиеся Военно-ученым комитетом Главного штаба на основе деятельности российской военной разведки, материалы российской периодической печати второй половины 80-х гг. XIX в., а также источники личного происхождения – мемуары и дневники современников.

По результатам настоящего исследования за счет привлечения широкого спектра исторических источников была прослежена динамика изменений в военных планах Российской империи против Германии и Австро-Венгрии в 80-х гг. XIX в. Составляемые проекты в Главном штабе в Петербурге систематически подвергались проверке в Варшавском военном округе посредством стратегических военных игр. «Тестирование» проходили отдельные положения планов, что позволяло последовательно вносить в них соответствующие коррективы и задавать дальнейший вектор развития российского военного строительства на западных границах.

Ключевые слова: Восточный вопрос, Российская империя, Австро-Венгрия, Германия, военная разведка, военно-стратегическое планирование, Главный штаб, военные игры.

Для цитирования: Арбеков А. Б. «Государство без прочной защиты подобно зданию без крыши...»: российское стратегическое планирование на западных границах в 80-х годах XIX века // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 1 (13). С. 6–23. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-6-23>.

Сведения об авторе: А. Б. Арбеков – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Тульский государственный музей оружия, 300002, Россия, Тульская область, г. Тула, ул. Октябрьская, 2.

Scientific Article
UDC 327.5: 93/94 (410+430+436)
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-6-23>

«THE STATE WITHOUT STRONG DEFENSE IS LIKE A BUILDING WITHOUT A ROOF ...»: RUSSIAN STRATEGIC PLANNING ON THE WESTERN FRONTIERS IN THE 80-S OF THE 19TH CENTURY

Alexander B. Arbekov

Tula State Arms Museum,
Tula, Russia,
arbekoff-alex@ya.ru

Abstract. The article studies the process of evolution of Russian military-strategic planning in the western direction during the 80-s of the 19th century based on a comparison of the documentation of the Russian General Staff and reports of the strategic war games of 1882 – 1884, held in the Warsaw military district.

The basis of the study are records from the Military Scientific and Mobilization Committees of the General Staff of the Russian Imperial Army and the headquarters of the Warsaw Military District. In addition, this study uses documents from the personal fund of D. A. Milyutin, the War Minister; of the Department of Manuscripts of the Russian State Library; reports of the Intelligence Department of War Office of Great Britain from the digitized collections of the National Archives, Kew, military statistical collections published by the Military-Scientific Committee of the General Staff on the basis of Russian military intelligence, materials of the Russian periodical press of the second half of the 80-s of the 19th century, as well as sources of personal origin – memoirs and diaries of contemporaries.

According to the results of this study, dynamics of changes in the military plans of the Russian Empire against Germany and Austria-Hungary in the 80-s of the 19th century was traced. The projects being drawn up at the General Staff in St. Petersburg were systematically tested in the Warsaw Military District by strategic war games. Several points of war plans were subjected to testing, which made it possible to consistently make appropriate adjustments to them and determine the vector of development of the defense capability of the Russian Empire on the western direction.

Keywords: Eastern Question, Russian Empire, Austria-Hungary, Germany, military intelligence, military-strategic planning, General Staff, war games.

For citation: Arbekov, AB 2023, "The State Without Strong Defense is Like a Building Without a Roof ...": Russian Strategic Planning on the Western Frontiers in the 80-s of the 19th Century', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (13), pp. 6–23, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-6-23> (in Russ.)

Information about the Author: *Alexander B. Arbekov* – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Tula State Arms Museum, 2 Oktyabrskaya Str., Tula, 300002, Russia.

Введение

История российского военно-стратегического планирования в последней трети XIX в. представляет значительный научный интерес, поскольку именно в этот период оформляются контуры расстановки сил, сохранявшей свою актуальность вплоть до Первой мировой войны. Так, в «программе стратегического обзора театров возможных войн России в Европе и Азии», составленной, вероятно, в конце в 70-х гг. XIX в., четко обозначалось, что «наибольшую стратегическую важность имеют западные пределы России», так как в релевантной системе международных отношений главными соперниками империи Романовых выступали «прежде всего Германия и Австро-Венгрия, затем Англия и отчасти Турция» [19, л. 2]. Подобное распределение приоритетов было обусловлено событиями Восточного кризиса 1875 – 1878 гг., в рамках которого Петербургу пришлось в разной степени столкнуться с дипломатическим и военным противодействием Берлина, Вены, Лондона и Константинополя.

В этой связи в последней трети XIX в. Военное министерство России занималось последовательным укреплением западных пределов империи с целью отражения угрозы, исходившей от блока Центральных держав. Существенным компонентом в разработке и совершенствовании российских стратегических планов являлись военные игры, проводившиеся в штабах военно-окружного командования, в частности Варшавского.

Российский историк О. Е. Алпеев в своем диссертационном исследовании представил инновационную методику изучения российского военного планирования в 1906 – 1914 гг. на основе анализа документации стратегических военных игр [6]. Данный научный подход позволяет проследить динамику изменений в российских военных планах на определенных исторических этапах. Поскольку в классических трудах А. М. Зайончковского и И. И. Ростунова [11, с. 29–45; 32, с. 63–83] представлено схематичное развитие российских военных планов в период формирования т.н. «милютинско-обручевской» системы, то представляется возможным экстраполировать эту методику на процесс российского военного планирования 80-х гг. XIX в., и тем самым подробно проследить трансформацию замыслов высшего российского командования на основе военных игр штаба Варшавского военного округа.

Результаты

Со второй половины 50-х гг. XIX в. одним из ключевых внешнеполитических соперников России являлась Австрия, ставшая с марта 1867 г. Двуетной монархией – Австро-Венгрией. Основные разногласия между двумя империями касались так называемого «Восточного вопроса», вернее его балканского направления. После поражения в «Семинедельной войне» против Пруссии и Италии в 1866 г. империя Габсбургов стала ориентировать свою внешнюю политику на расширение сфер влияния на Балканах, при этом в пику России стараясь всячески препятствовать национально-освободительному движению славянских народов Османской империи.

Очередное обострение Восточного вопроса произошло во второй половине 60-х гг. XIX в. на фоне антиосманского восстания на о. Крит. В 1866 – 1868 гг. Сербия приступила к формированию Балканского союза из Черногории, Греции и Румынии для вооруженной борьбы с Высокой Портой [13, с. 76]. В Вене выражали опасения, что развал Османской империи приведет к аналогичным центробежным тенденциям в самой Дунайской монархии. Поэтому к концу 1867 г. правительство Австро-Венгрии осуществляло подготовку к вторжению в северные провинции Турции в случае очередного восстания на ее территории [15, с. 550]. В этой связи в России стали прорабатывать проекты ответных военных мер.

Во всеподданнейшем докладе Военного министра Д. А. Милютинина от 9 (21) ноября 1867 г., составленном для императора Александра II, указывалось, что «давно <...> Восточный вопрос озадачивает Европу», который, по пророческому замечанию

автора, «несомненно станет сигналом для общеевропейской войны» [22, л. 30б.–4]. Как известно, генералы всегда готовятся к прошедшей войне, поэтому генерал Д. А. Милютин считал целесообразным проецировать ситуацию времен Крымской войны 1853 – 1856 гг., когда Россия в борьбе с широкой европейской коалицией была вынуждена держать под ружьем войска по всей протяженности своей границы. По этой причине в докладе Военный министр предлагал разработать мобилизационное расписание, позволявшее поставить на военную ногу все имеющиеся войска России численностью более 750 тыс. чел., параллельно осуществляя подготовку к наступательной войне с Австро-Венгрией.

В случае конфликта с Двуетидной монархией генерал Д. А. Милютин планировал сформировать две войсковые группировки – Главную армию численностью около 160 тыс. чел. при 272 орудиях для вторжения в Западную Галицию из пределов Царства Польского и вспомогательный Волынский корпус численностью примерно 50 тыс. чел. при 104 орудиях для занятия Восточной Галиции и горных проходов через Карпаты [22, л. 8, 30]. Но из-за недостатка военной инфраструктуры, прежде всего малой протяженности железных дорог, и отсутствия конкретных мобилизационных планов Военный министр выделял не менее 5 месяцев для полного сосредоточения российских войск на указанных операционных направлениях [22, л. 25].

Хотя вооруженное восстание Балканского союза не произошло, распределение сил, представленное в докладе Военного министра, в итоге стало фундаментом российского военно-стратегического планирования на западных границах на последующие десять лет. Изменениям подвергались только количество сил и сроки их концентрации на Висле и в пределах Киевского военного округа. Об этом свидетельствует доклад Военного министра, составленный для императора Александра II в разгар Франко-германской войны 9 (21) августа 1870 г. [22, л. 42–49об.], и «план сосредоточения войск на западных границах» от 12 (24) сентября 1876 г., подготовленный начальником Главного штаба Ф. Л. фон Гейденом накануне войны с Турцией на основе общевойскового мобилизационного расписания №6 [18, с. 65–74]. Если в конце 1867 г. генерал Д. А. Милютин выделял минимум 5 месяцев для полного развертывания и сосредоточения российских войск на указанных стратегических направлениях, то к сентябрю 1876 г. мобилизационная готовность 460-тысячной группировки для войны с Австро-Венгрией достигала уже 37 дней.

После Франко-германской войны 1870 – 1871 гг. существенное влияние на российское стратегическое планирование на западных границах стал оказывать фактор единой Германии. В начале 1873 г. под председательством Александра II состоялось особое совещание по вопросам обороны империи. В его основу легла записка управляющего делами Военно-ученого комитета Главного штаба генерал-майора Н. Н. Обручева, которая подробно разбиралась и многократно цитировалась в работах научных специалистов [3, с. 130–131; 7, с. 189; 11, с. 141–142; 12, с. 280–288]. Поэтому отметим лишь ее основные положения: 1) в случае войны с Австро-Венгрией и Германией, или с ними по отдельности, ключевое значение имел передовой или «привислинский» военный театр – Царство Польское; 2) Россия в виду объективных обстоятельств была не способна обеспечить концентрацию своих сил в западных пределах империи быстрее Центральных держав; 3) с целью сдерживания наступления противника требовалось увеличить численность войск, прежде всего кавалерийских, дислоцированных в пределах «привислинского» театра, развернуть программу масштабного крепостного и железнодорожного строительства, чтобы нивелировать скорость концентрации армий противника на российской границе и компенсировать затяжной процесс сосредоточения российских войск на Немане, Висле и Волыни.

В научной литературе данная система стратегического планирования получила наименование «милютинско-обручевской», и она определяла вектор российского военного строительства вплоть до окончания Русско-японской войны 1904 – 1905 гг.

К сожалению, к началу Восточного кризиса 1875 – 1878 гг. из-за экономии денежных средств большая часть пунктов программы 1873 г. так и не получила практического воплощения, над чем сокрушался генерал Н. Н. Обручев в многочисленных записках после Русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. Так, к 1876 г. за предыдущие 10 лет в России было построено около 15 тыс. км железных дорог и увеличена их общая протяженность до 18,800 км [33, с. 170]. В Австро-Венгрии к 1874 г. общая протяженность железных дорог составляла 16,593 км [1, с. 86], в Германии – 24,103 км [9, с. 151]. При этом, как замечал генерал Обручев, «мы тяжелой продолжительной войной [с Турцией] расстроили свою армию, истощили свои запасы и ничего не прибавили к крепостям, противники наши [Германия и Австро-Венгрия] улучшали свои вооруженные силы, совершенствовали их мобилизацию, разрабатывали новые стратегические пути к нашим границам и значительно развили свои крепости» [23, л. 51].

После Берлинского конгресса 1878 г. политическая обстановка в Европе для империи Романовых значительно ухудшилась. 9 октября 1879 г. между Вторым рейхом и Двуетной монархией состоялся Двойственный союз, имевший антироссийскую направленность. В этой связи военные планы России, ранее подразумевавшие локализацию конфликта с Германией и Австро-Венгрией по отдельности, теперь выстраивались строго на идее противостояния с блоком Центральных держав. В марте 1879 г. управляющий делами Военно-ученого комитета Главного штаба генерал-адъютант Н. Н. Обручев, опираясь на тревожные сведения российской военной разведки из Берлина и Вены, составил пространную записку, в которой указывал: «Константинопольский договор оформил наши отношения к Порте, но он не остановил движение Восточного вопроса, не устранил возможности его осложнения даже в самом ближайшем будущем. <...> Чем разрешился для нас дружелюбный нейтралитет Австрии? Чем кончилось честное содействие Германии? Кто своими притязаниями на Салоники и Эгейское море наиболее помог Англии разрешить С. Стефанский договор? Кто, мобилизуя свои войска в тылу нашей армии, стоявшей перед Константинополем, наиболее помешал России выполнить вековечную ее задачу? <...> Мы фактически могли убедиться, что для Германии и Австрии столь же желательно ослабление наше в Европе, как для Англии ослабление наше в Азии» [23, л. 46–46об.]. Своей системой последовательной аргументации генерал Н. Н. Обручев прямо подводил к срочной необходимости вернуться к программе 1873 г. и укрепить западные рубежи Российской империи, поскольку, со его слов, «государство без прочной защиты подобно зданию без крыши...» [23, л. 59].

Военный министр Д.А. Милютин также тревожно воспринимал поступающие известия из австрийской и германской столиц. На страницах дневника он писал: «Пруссаки уже настроили громадные крепости и густую сеть железнодорожных путей, теперь австрийцы принялись за те же работы...» [16, с. 344].

С целью противодействия Двойственному союзу императором Александром II в начале 1880 г. был утвержден план войны на западных границах, подготовленный генералом Н. Н. Обручевым. По сведениям российского Главного штаба, Двойственный союз мог выставить на своих восточных границах 775 батальонов, 476 эскадронов и 2,150 орудий, которым Россия могла противопоставить 764 батальона, 485 эскадронов и 2,376 орудий [26, л. 1–10б.]. Несмотря на паритет в численности войск, «Русский Мольтке» считал возможным разбить противников по отдельности. Для этого он предлагал сформировать четыре крупных группировки на западных границах Российской империи: 1) Неманскую армию из 140 батальонов, 90 эскадронов и 432 орудий; 2) Среднюю армию или Белосток-Гродненский отряд в составе 64 батальонов, 44

эскадронов и 210 орудий для связи между двумя ближайшими более крупными группировками; 3) Вислинскую армию для обороны Царства Польского из 200 батальонов, 104 эскадронов и 582 орудий; и 4) Главную или Юго-Западную армию для наступления в Восточную Галицию в составе 360 батальонов, 247 эскадронов и 1,152 орудий [26, л. 4–6].

При столкновении с Германией генерал Н. Н. Обручев планировал придерживаться исключительно оборонительного образа действий, так как российская армия не могла упредить германские войска при развертывании своих сил. Также этому препятствовал объективный характер местности в Восточной Пруссии. Генерал Обручев указывал, что «пути к Берлину преграждены несколькими сильно укрепленными реками, пути же к Пешту и Вене, за исключением Перемышля, который может быть блокирован, и Краков, который может быть оставлен в стороне – представляются открытыми» [26, л. 6об.].

В сравнении с более ранними военными замыслами, составленными в 1867 – 1876 гг., план генерал Н. Н. Обручева от 1880 г. предполагал переложение тяжести основного удара по Австро-Венгрии с Варшавского военного округа на Волынскую армейскую группировку. Данная тенденция стала обозначаться еще на завершающем этапе Восточного кризиса весной – летом 1878 г. [5, с. 36–37]. К концу 1879 г. российской военной разведке удалось добыть актуальные планы Дунайской монархии на случай войны с Россией, которые подтверждали прежние предположения генерала Н. Н. Обручева [24, л. 3–8]. Поэтому он считал необходимым прежде разгромить самую немногочисленную войсковую группировку Австро-Венгрии, направленную против Киева, превосходящими силами Юго-Западной армии.

По плану 1880 г., Юго-Западной армии предстояло вторгнуться в Восточную Галицию и таким образом поставить главные силы наступления Дуалистической монархии под угрозу изолированного разгрома. Генерал Обручев особо отмечал: «Сосредоточение австрийцев в больших массах ко Львову не может быть идти также быстро как к Кракову или Перемышлю. К тому же есть полное основание думать, что под Львовом австрийцы могут иметь не главную армию, а лишь второстепенные силы. Поэтому если с нашей стороны будет сразу направлено против Львовско-Галицийского района достаточное число войск, то надо полагать, что правый фланг общего австрийского расположения будет разбит и кампания начнется нашим успехом, а их поражением» [26, л. 5].

Заметим, что указанные выше распределение и численность российских армий отличается от сведений, представленных в классической работе А. М. Зайончковского [11, с. 32–33]. Знаменитый российский историк при написании своего труда опирался на справки, подготовленные в Главном штабе в начале XX в. [21, л. 75–76об.], в которых, вероятно, составители допустили ошибку, приписав плану 1880 г. распределение сил из более поздних записок генерала Обручева. На это предположение указывает сразу несколько обстоятельств.

Во-первых, представленные выше цифры и наименования основаны на материалах всеподданнейшего доклада Военного министра П. С. Ванновского за 1887 г. [26, л. 1–6об.], в котором содержался и оригинальный план генерала Н. Н. Обручева 1880 г.

Во-вторых, в работе А. М. Зайончковского и в справке, составленной в Главном штабе в начале XX в., содержится фактическое несовпадение общей численности российских войск и орудий: при оборонительном образе действий они составляют 764 батальона, 485 эскадронов и 2,376 орудий, а при втором – оборонительно-наступательном – варианте развертывания показатели количественно превышают войска из первого сценария – 877 батальонов, 648 эскадронов и 2,572 орудия [11, с. 32–33].

В-третьих, если в оригинальном плане 1880 г. в обоих сценариях формировалось четыре крупных войсковых группировки, то, согласно работе А. М. Зайончковского, при оборонительно-наступательном варианте предполагалось создать четыре армии – Неманскую, Привислинскую, Бугскую и Волынскую – и отдельный Белостокский отряд.

При этом, сравнивая оба документа, становится заметно, что Вислинская армия из оригинального плана Н. Н. Обручева 1880 г. в интерпретации авторов справки, на которую ссылался А. М. Зайончковский, дробилась на Привислинскую и Бугскую. Как показывает опыт настоящего исследования, подобное «дробление» действительно прослеживается в документах Главного штаба и штаба Варшавского военного округа, в котором также занимались систематическим изучением передового театра и последовательным планированием на основе этих изысканий, но в период 1882 – 1884 гг. Вполне естественно, что распределение на отдельный Белостокский и Привислинский отряды, Неманскую, Привислинскую (или Наревскую), Бугскую (Люблинскую или Вепржинскую) и Волынскую армии отображало активный поиск наиболее оптимальной конфигурации при развертывании российских вооруженных сил на западной границе империи, что нашло отражение и в последующих записках генерала Обручева.

Краеугольным камнем российского военно-стратегического планирования на западных границах в последней трети XIX в. стала программа масштабного крепостного строительства, утвержденная в мае 1880 г. [3, с. 273]. По замыслу генерала Н. Н. Обручева, для нейтрализации действий Германии и Австро-Венгрии требовалось на месте слияния рек Висла и Нарев возвести мощный стратегический плацдарм в виде треугольника крепостей Варшава – Новогеоргиевск – Зегржь. В случае наступления вражеских армий он должен был способствовать удержанию ключевых оборонительных линий в Царстве Польском и надежно прикрывать систему железнодорожного сообщения, ведущей во внутренние округа империи к «привислинскому» театру, до концентрации основного ударного кулака России в ее западных пределах. По мнению Н. Н. Обручева, «дело будет выиграно» даже если удастся задержать вторжение армий Центральных держав на 2 – 3 недели. Одновременно российские войска могли опираться на треугольник Варшава – Новогеоргиевск – Зегржь при осуществлении ответных наступательных действий [20, с. 183; 23, л. 59].

Вскоре после утверждения плана генерала Н. Н. Обручева офицеры штаба Варшавского военного округа приступили к последовательному «тестированию» отдельных его положений посредством стратегических военных игр, проводившихся ежегодно в течение 1882 – 1884 гг.

В результате военных реформ Д. А. Милютин 60 – 70-х гг. XIX в. в России была введена военно-окружная система. Подобная организация, с одной стороны, позволяла децентрализовать систему военной администрации, поскольку в задачи командующего военным округом входило: 1) самостоятельное обеспечение вверенных ему войск всем необходимым; 2) подготовка воинских частей к потенциальному развертыванию; 3) осмотр, укрепление и приведение в соответствующее состояние приграничной территории к возможным боевым действиям. С другой – военно-окружная система компенсировала отсутствие особого планирующего органа в структуре Главного штаба, функции которого брал на себя Военно-ученый комитет под руководством генерала Н. Н. Обручева. Поэтому военные округа, входившие в состав передового театра, осуществляли активную разведывательную и планирующую деятельность, в том числе, посредством стратегических военных игр. Они позволяли моделировать на картах ход вероятного вооруженного столкновения между противоборствующими сторонами [6].

Одна из первых подобных военных игр в Варшавском округе была проведена в мае 1882 г. штабом генерал-лейтенанта Х. Х. фон Роопа, командующего VI армейским корпусом, который входил в состав Вислинской армии. Как свидетельствует отчет, подготовленный по итогам игры, цель занятий состояла «уяснить по возможности, вероятный ход военных действий и последовательность операций первого периода кампании» [29, л. 31].

Программа военной игры опиралась на разработанный в 1880 г. план войны против Германии и Австро-Венгрии. При подготовке к ее проведению штабом VI армейского корпуса были «допущены, с умыслом, самые невыгодные для нас политические комбинации и обстоятельства» [29, л. 16]. Например, предполагалось не учитывать программу крепостного строительства, утвержденную в мае 1880 г., поскольку она не отвечала актуальной ситуации на западных границах Российской империи. Также генерал Х. Х. Рооп не стремился строго придерживаться плана 1880 г. и предложенного в нем распределения сил и диспозиций российских армий, как и намеченных маршрутов их передвижения в рамках предполагаемых наступательных или оборонительных действий [29, л. 70б.–8]. Стоит особо подчеркнуть, что все вносимые изменения в легенду военной игры полностью согласовывались с Главным штабом и его начальником генералом Н. Н. Обручевым, назначенным на данный пост в 1881 г [29, л. 31]. Таким образом высшее военное командование в Петербурге также не относилось доктринально ко всем положениям плана 1880 г. и допускало определенные отступления от его первоначальных контуров, давая возможность компетентным специалистам на местах определять наиболее эффективную композицию вверенных им войск.

Несмотря на намерение разыграть военные действия против Двойственного союза на всем пространстве «привислинского» театра, в конечном счете штабом VI армейского корпуса было решено провести тестирование вооруженного конфликта с Германией и Австро-Венгрией по отдельности. На практике розыгрыш 1882 г. ограничился моделированием столкновения конкретно со Вторым Рейхом в северо-западных пределах Царства Польского на оборонительной линии Ковно – Варшава.

Согласно отчету генерала Роопа, «план нашей первоначальной обороны сводится к возможному замедлению вторжения и выиграния времени для прибытия подкреплений». Задача германской стороны заключалась в нанесении за счет временного численного превосходства быстрого поражения российским войскам и их вытеснение за линию р. Неман и Буг [29, л. 19–190б.]. По легенде военной игры, столкновение продолжалось 38 оперативных дней, разделенных по характеру военных действий на 4 периода [29, л. 320б.–45].

Серьезным подспорьем при подготовке программы военной игры выступали военно-статистические сборники, составленные в Военно-ученом комитете под руководством генерал-майора Ф. А. Фельдмана [10]. Генерал-майор А. Н. Куропаткин, служивший в Главном штабе в 1882 – 1890 гг., в воспоминаниях отмечал, что «наши [военные] планы должны были первое время составляться не самостоятельно, а под влиянием вероятных планов противника», поэтому разведывательные сведения о направлении железнодорожных путей Германии и расположении ее укрепленных пунктов на восточной границе «указывали районы вероятного сосредоточения сил противника» [14, с. 428].

Штаб VI армейского корпуса, опираясь на имеющиеся данные, предположил, что Германия имела возможность к 26-му дню после объявления войны сосредоточить в приграничной полосе 15 корпусов: 10 из них располагались в Восточной Пруссии, оставшиеся 5 – в Познани и Силезии, к которым могли присоединиться еще два, передислоцированные с западной границы с Францией [29, л. 80б.–9].

Германские корпуса формировались в три армии и отдельный осадный отряд. В задачи 1-й армии в составе 109 батальонов и 92 эскадронов при 436 орудиях входило вытеснение российских войск за р. Неман, захват Ковно и Гродно и дальнейшая переправа через Неман с целью овладения Вильно [29, л. 20]. Главной 2-й армии из 159 батальонов и 124 эскадронов при 672 орудиях предписывалось овладеть оборонительной линией р. Нарев и нанести упреждающий удар по центру сосредоточения основной массы российских войск. 3-я армия численностью 85 батальонов, 72 эскадрона и 342 орудия, продвигаясь по левому берегу Вислы, ставила своей целью овладеть Варшавой и обеспечить блокаду Александровской цитадели, после чего форсировать реку и угрожать флангу и тылам российских войск, постепенно концентрирующихся в пространстве между Наревом и Бугом. Отдельный осадный отряд из 55 батальонов, 16 эскадронов и 228 орудий действовал конкретно против Новогеоргиевской крепости [29, л. 20об.–21].

С российской стороны выставлялись пять армейских корпусов из состава Виленского и Варшавского военных округов – II, III, IV, V и VI – общей численностью 14 пехотных и 5,5 кавалерийских дивизий, а также 3 резервных дивизии и 10 пехотных полков. Позже к ним прибывали I корпус из Петербургского и XIII из Московского военных округов, а также 23-ая дивизия из Финляндии, в результате чего войсковая группировка, действующая против Германии, увеличивалась до 26,5 пехотных и 11 кавалерийских дивизий [29, л. 13–14об.].

До прибытия этих соединений пять корпусов, располагавшиеся в мирное время в Виленском и Варшавском военных округах, формировали две армии, имевшие задачу сдерживать германское вторжение до сосредоточения основных российских сил. 1-я или Бобр-Неманская армия в составе II, III, IV корпусов численностью 119 батальонов, 54 эскадрона и 372 орудия располагалась на оборонительных линиях Неман – Бобр и Ковно – Белосток. 2-я или Наревская армия в составе V и VI корпусов с 3-й гвардейской дивизией численностью 106 батальонов, 44 эскадрона и 318 орудий концентрировалась за линией р. Нарев на пространстве от устья р. Бобр до Варшавы и Новогеоргиевска [29, л. 29–30].

С учетом затяжного процесса сосредоточения российских войск на первом этапе столкновения Германия имела преимущество в численности подразделений – 408 батальонов против 225. С целью нивелировать значительное превосходство Второго рейха с 1-го по 8-й день войны с российской стороны осуществлялись рейды на германскую территорию силами 18 кавалерийских полков, расположенных заранее в приграничной полосе. Их задачей становилась порча железных дорог, чтобы сорвать мобилизацию германских войск. В результате к 5-му дню войны Второму рейху удалось сосредоточить 24 кавалерийских полка, из-за чего российские подразделения были вынуждены отступить обратно в Царство Польское. Тем не менее в результате рейда удалось задержать ход мобилизации одного германского корпуса на два дня [29, л. 23об.–34].

В последующий период с 9-го по 22-й день происходила концентрация основных сил обеих сторон. После сосредоточения германские армии перешли в наступление. К 25-му дню при попытке форсировать р. Бобр 1-я армия встретила упорное сопротивление 30-й пехотной дивизии, которая, пользуясь преимуществами местности, смогла задержать продвижение германских войск на 3 дня. К 26-му дню два корпуса 1-й армии попытались осуществить переправу через р. Неман в двух пунктах, добившись цели только у Олиты, успешно оттеснив российские соединения [29, л. 38–39 об.].

К 30-му дню 2-я армия сконцентрировала основные силы у р. Нарев и начала переправу. В это же время, поскольку российские войска оставили без боя левый берег

Вислы, предварительно разрушив мосты, 3-я армия начала обложение Александровской цитадели и готовилась к переправе на правый берег. Отдельный осадный отряд также осуществлял подготовку к обложению Новогеоргиевской крепости [29, л. 40–40об.].

С этого момента все германские силы перешли в решающее наступление. На 31-й день 2-я армия форсировала р. Нарев и стремилась разбить Наревскую армию, к которой постепенно прибывали подкрепления из внутренних округов. Однако российской стороне удалось своевременно отвести ее основные части на рубеж Белосток – Бельск [29, л. 41об.].

В период с 31-го по 38-й день 1-я германская армия не смогла достигнуть успехов, поскольку российская сторона за счет прибывших подкреплений нивелировала численное превосходство противника. В итоге VII и IX германским корпусам так и не удалось форсировать Неман, а II корпус, переправившийся на 26-й день у Олиты, был вытеснен обратно «сильным отрядом» в составе 22-й, 27-й пехотных дивизий и 5-й стрелковой бригады [29, л. 41].

3-я германская армия, заняв Варшаву, продолжала блокаду Александровской цитадели и выделила V и VI корпуса для переправы через Вислу. К 38-му дню они успешно достигли рубежа Венгров – Седлец, а отдельный осадный отряд приступил к осаде Новогеоргиевска [29, л. 41–42об.].

Российская сторона, в свою очередь, на данной стадии военных действий добила паритета в силах с Германией, в результате чего, согласно отчету генерала Х. Х. Роопа, «представляется вероятно на успех в открытом бою [подчеркнуто в тексте генералом Роопом. – А. А.], а потому признано возможным дальнейших ход розыгрыша прекратить» [29, л. 45].

Таким образом, результат военной игры 1882 г. демонстрировал теоретическую возможность успеха стратегии генерала Обручева в случае столкновения с Германией на линии р. Неман и Нарев, что внушало определенный оптимизм в Петербурге. В отчете генерала Роопа указывалось: «Если до 35 – 40 дня, мы удержим нашу армию от частных поражений и какой-либо катастрофы <...> обстоятельства могут принять для нас оборот весьма благоприятный и привести к последствиям самым решительным» [29, л. 49–50об.].

Тем не менее стоит особо отметить, что в легенду военной игры штабом VI армейского корпуса были введены достаточно серьезные допущения. В частности, совершенно не учитывался фактор возможного продвижения австро-венгерских войск по направлению Седлец – Брест в тыл главной российской группировки. Считалось, что наступательная Юго-Западная армия к 40-му дню войны была способна оккупировать всю Восточную Галицию [29, л. 49об.], хотя по составленным мобилизационным планам в Киевском военном округе ее сосредоточение на границе Австро-Венгрии завершалось только к 41-му дню [28, л. 64–65]. Это в свою очередь демонстрирует слабую координацию между штабами Варшавского и Киевского военных округов при подготовке к войне с Германией и Австро-Венгрией на данном историческом этапе.

По результатам военной игры в отчете генерала Роопа был предложен широкий перечень мер с рекомендациями усилить укрепления Гродно, выстроить дополнительные временные оборонительные сооружения, например, на Малкинской позиции, передислоцировать в пределах Царства Польского отдельные пехотные дивизии для ускорения их мобилизации и подготовить все необходимое для осуществления быстрых кавалерийских рейдов в первые дни кампании [29, л. 51–69].

Учитывая допущения в программе военной игры, проведенной генералом Х. Х. Роопом весной 1882 г., через полгода под руководством начальника штаба Вар-

шавского военного округа генерал-лейтенанта В. Я. Зверева было предложено при рекогносцировке района р. Вепржь повторно разыграть военные действия одновременно против Германии и Австро-Венгрии на всем пространстве передового театра. Для более тщательной подготовки в Киев был направлен запрос относительно сведений о мобилизации и сосредоточений войск Волынской армии [30, л. 8об.]. Также управляющий Военно-ученым комитетом Главного штаба генерал-майор Ф. А. Фельдман, отвечавший за деятельность российской военной разведки, осуществлял сопровождение подготовительных работ к новой стратегической военной игре и снабжал штаб Варшавского военного округа картами местности и иностранной литературой, «относящейся преимущественно до войны Австрии с Россией» [30, л. 13об.; 2].

Согласно сохранившимся документам, изначально предполагалось разыграть масштабные военные действия всех российских армий, формирующихся в Царстве Польском – Наревской и Люблинской, – а также отдельного Привислинского отряда [30, л. 19–19об.]. Однако, как свидетельствует третий протокол заседания совета посредников от 16 (28) апреля 1883 г., после изучения в Главном штабе предложенной диспозиции российских армий поступило предписание начальника Военно-ученого комитета генерал-майора Ф. А. Фельдмана от 13 (25) апреля 1883 г. о значительном сокращении «размеров предстоящей поездки» [30, л. 32об.]. Теперь ее задача и приуроченной к ней военной игры сводилась к выяснению «модус операнди» конкретно XIV армейского корпуса в Люблинской губернии. По предписанию Главного штаба, данное войсковое соединение в первые три недели после объявления войны получало задачу прикрывать сосредоточение русских войск на операционной линии Холм – Ковель, а затем – сформировать правый фланг Люблинской или Бугской армии [30, л. 32–32об.]. Австро-венгерские подразделения, согласно телеграмме генерала Ф. А. Фельдмана, должны были осуществлять наступление по направлению к Бресту в составе трех корпусов с двумя отдельными кавалерийскими дивизиями, опирающимися на Ярослав и Перемышль [30, л. 32об.]. «Цель их войти в связь с германскими войсками, оперирующими против линии Нарева, для чего опрокинуть противопоставленные им русские войска, направляясь к Бресту для его обложения...» [28, л. 69].

Таким образом, идея организации стратегической военной игры 1883 г. по инициативе Главного штаба была редуцирована до действий конкретных подразделений на ограниченном участке передового театра. Вероятно, в Петербурге осознавали весь масштаб задуманного в Варшаве мероприятия и сложность учета всех сопутствующих факторов, которые должны были гарантировать «чистоту эксперимента». В таком случае стоит предположить, что в Главном штабе по опыту военной игры, организованной весной 1882 г. офицерами Варшавского военного округа во главе с генерал-лейтенантом Х. Х. Роопом, намеревались поэтапно осуществлять проверку актуальных планов развертывания российских вооруженных сил на западных границах империи.

В пользу данной гипотезы свидетельствует проведенная штабом V армейского корпуса в мае следующего 1884 г. военная игра, по легенде которой отдельный Привислинский отряд должен был сдерживать наступление союзных австро-германских армий на левом берегу Вислы [27, л. 2]. Из данной интерпретации следует, что военные эксперты в Петербурге стремились шаг за шагом корректировать отдельные аспекты плана войны с Германией и Австро-Венгрией, постепенно доводя его до наиболее оптимальной конфигурации.

Как и двумя годами ранее, в легенде военной игры 1884 г. при наступлении союзных войск Германии и Австро-Венгрии допускались «наиболее благоприятные» условия [31, л. 67об.]. С германской стороны выставлялись V и VI армейские корпуса на 14-й – 15-й день мобилизации. Кавалерийские подразделения силой в 40 эскадро-

нов находились в готовности для вторжения в Царство Польское для срыва мобилизации войск Привислинского отряда уже на 4-й – 5-й день [31, л. 20б.]. Австро-Венгрия сосредотачивала у Кракова и Тарнува I и VI армейские корпуса на 12-й и 15-й день мобилизации соответственно. Кавалерия Дунайской монархии численностью 48 эскадронов могла начать вторжение на 3-й – 4-й день. Общая численность войск союзников составляла 154 батальона, 88 эскадронов и 480 орудий. В их задачу входило наступление к Варшаве по левому берегу Вислы [31, л. 3].

Привислинский отряд численностью 51 батальон, 65 эскадронов и 120 орудий имел задачу задержать наступление союзников и успешно отступить в Варшавский укрепленный лагерь [31, л. 20б.–4].

По легенде военной игры, столкновение продолжалось в течение 31-го оперативного дня. Первые 14 дней сопровождалось сосредоточением войск обеих сторон и боевыми действиями кавалерийских отрядов. В дебюте кампании российскому командующему удалось упредить австрийцев и первым осуществить кавалерийский рейд на Тарнув силами 2 эскадронов. В результате противник был вынужден оставить свою кавалерию для охраны железной дороги, что позволило к 14-му дню обеспечить беспрепятственное сосредоточение частей Привислинского отряда [31, л. 33, 52]. Аналогичные действия на территории Второго рейха не принесли значимых результатов, однако ответный германский рейд также не увенчался серьезным успехом.

На 15-й и 16-й день союзная кавалерия перешла в наступление и захватила часть железной дороги Петроков – Варшава. Передовые отряды противника заняли все пространство от германской и австрийской границы до р. Бзура и Пилица соответственно. На данном рубеже части Привислинского отряда, используя особенности местности, организовали упорную оборону. При попытках переправы союзники регулярно встречали серьезное сопротивление. Только к 26-му дню им удалось форсировать реки и по всей линии боевого соприкосновения в виду численного превосходства заставить российские войска начать отступление [31, л. 33–44]. Стоит отметить, что российскому командованию удалось грамотно определить наиболее выгодные оборонительные позиции на левом берегу Вислы, что сыграло впоследствии важную роль в Лодзинской оборонительной операции в ноябре – декабре 1914 г., когда российским войскам удалось стабилизировать русско-германский фронт именно по линиям четырех рек – Бзуры, Равки, Пилицы и Ниды [4, с. 299–308].

В конечном итоге союзные силы подошли к Варшаве только на 30-й день войны, а Привислинский отряд днем ранее успешно занял Варшавский укрепленный лагерь. При этом в отчете начальника штаба V армейского корпуса генерал-майора Э. Г. Эллерса указывалось, что это был самый минимальный срок достижения поставленной противником цели, что обеспечивалось наиболее благоприятными обстоятельствами при его наступлении, на практике же «союзникам [для захвата Варшавы] понадобится несколько более времени, чем выведенные игрой 30 дней» [31, л. 68].

По результатам военной игры 1884 г. в отчете генерала Э. Г. Эллерса были даны подробные рекомендации по дополнительному усилению войск Привислинского отряда и изменению дислокаций отдельных его частей в мирное время [31, л. 49–68об.].

В 1883 – 1884 гг., опираясь на рекомендации офицеров Варшавского военного округа, в Главном штабе было решено приступить к усилению оборонительных линий Вислы, Нарева и Бобра, а также возвести дополнительные полевые укрепления на левом берегу Вислы для обороны Варшавы. Также улучшению подвергались сооружения Новогеоргиевска, Ивангорода и Бреста [14, с. 441]. В числе прочего, увеличивалось общее количество войск, дислоцированных в Варшавском военном округе и имевших на постоянной основе штатный состав военного времени.

Наряду с этим в Главном штабе осуществлялись активные работы по оптимизации планов мобилизации и ускорению развертывания российских войск на западной границе. Согласно документам Мобилизационного комитета Главного штаба за 1883 – 1884 гг., кавалерийские подразделения, дислоцированные в пределах передового театра, успевали завершить свои основные приготовления в период с 3-й по 6-й день. Неманская армия численностью 185 тыс. чел. при 388 орудиях, оборонявшая линию р. Неман на пространстве от крепости Ковно до города Гродно, полностью сосредотачивались на 25-й день мобилизации [25, л. 40б.]. В ее задачи, помимо обороны линии р. Неман, вместе с войсками Белостокского отряда численностью 70 тыс. чел. при 15 орудиях входила защита правого фланга Привислинской армии из 270 тыс. чел. при 518 орудиях и ее поддержка при оборонительных действиях на Нареве и Верхнем Буге. Белостокский отряд и Привислинская армия, опираясь флангами на крепости Осовец и Ивангород, завершали свое сосредоточение на 18-й и 22-й день соответственно [25, л. 22, 330б.].

Бугская армия численностью 180 тыс. чел. при 420 орудиях предназначалась для вторжения совместно с Волынской армией в Галицию с целью разбить австро-венгерские войсковые группировки. Концентрация Бугской армии без второочередных казачьих полков завершалась на 34-й день [25, л. 45–490б.].

Самая многочисленная Волынская армия из 375 тыс. чел. и 850 орудий осуществляла развертывание на 39-й день мобилизации. После успешного вторжения в Галицию ей также предписывалось занять горные проходы Карпат [25, л. 70–700б.].

Несмотря на очевидные успехи, достигнутые в оптимизации российских вооруженных сил для действий на западной границе, генерал-майор А. Н. Куропаткин, занимавшийся составлением мобилизационных планов, в воспоминаниях признавал, что Россия по-прежнему серьезно отставала от противников, которые заканчивали сосредоточение своих армий в трехнедельный срок, в то время как в отдельных случаях эшелоны российских войск продолжали прибывать на передовой театр и на второй месяц войны [14, с. 440].

В начале 1887 г. в Европе на фоне обострения франко-германских отношений разразилась очередная «военная тревога». Следствием этого события стала подготовка генералом Н. Н. Обручевым нового плана развертывания российских вооруженных сил, в основу которого ложились результаты военных игр, проводившихся в 1882 – 1884 гг. в Варшавском военном округе. В отличие от предыдущих разработок Главного штаба, план 1887 г. исключал строго оборонительные действия и в некоторых вариантах компоновок крупных войсковых группировок подразумевал возможность ограниченного наступления против Германии [11, с. 35–37; 32, с. 68–71]. Тем не менее в докладе генерала Обручева отмечалось, что железнодорожная сеть в западных пределах империи по-прежнему не обеспечивала своевременное сосредоточение российских войск. В этой связи было принято решение дополнительно перевести из внутренних военных округов 2-ю, 38-ю пехотные и 13-ю кавалерийскую дивизии в Царство Польское [14, с. 552–553; 17].

В ноябре 1887 г. шеф Большого Генерального штаба Германии фельдмаршал Г. фон Мольтке Старший обратил внимание на усиление российских войск на западных границах и подготовил записку, в которой «Великий молчальник» предлагал О. фон Бисмарку нанести удар восточной сопернице Второго рейха прежде чем она завершит свои военные приготовления. «Железный канцлер» считал выводы шефа Большого Генерального штаба «преждевременными» и стремился избежать дальнейшей эскалации конфликта [8, с. 333–334]. По этой причине по дипломатическим каналам императору Александру III была передана записка фельдмаршала Мольтке. На основе расчетов специалистов Большого Генерального штаба в документе отмечалось

значительное увеличение численности российских соединений на западе, превышавшее количество германских войск в приграничной полосе. Из этих расчетов следовал вывод об агрессивных намерениях Петербурга в адрес Берлина. Как вспоминал впоследствии А. Н. Куропаткин: «Подтасовок [в записке Мольтке] при этом было немало. Главное же то, что немецкие войска в их зоне были готовы в 3 дня, а у нас в две недели и, что еще важнее, немцы могли войска, расположенные в передовой зоне, подкрепить сосредоточением всех сил, направленных против России, в 14 дней (обилие железных дорог и отличная подготовка их), а нам для мобилизации и сосредоточения требовалось два месяца» [14, с. 445, 553].

В итоге император Александр III поручил Военному министру П. С. Ванновскому составить пояснительный ответ. Задача эта была возложена на генерал-майора А. Н. Куропаткина. Опираясь на разведывательные сведения и расчеты специалистов Военно-ученого комитета Главного штаба, он под редакцией генерала Н. Н. Обручева подготовил пространный доклад, частично опубликованный в газетах «Русский инвалид» и «Новое время» 3 (15) и 4 (16) декабря 1887 г.

Основные тезисы в статье А. Н. Куропаткина имели следующее содержание: 1) к 1887 г. за счет увеличения ежегодно призываемых на службу воинских контингентов в Германии и Австро-Венгрии увеличилось количество крупных тактических соединений до 20 и 15 корпусов соответственно. «Другого способа военных действий, [кроме] как наступление [курсивом выделено в тексте Куропаткиным. – А. А.], германские стратеги не признают, поэтому эти громадные силы в такой же мере готовятся против России, как и против Франции»; 2) за 1881 – 1887 гг. Германия усилила войска, расположенные на границе с Россией, на 21 батальон, 24 полевых батарей, 3 батареи крепостной артиллерии и 15 кавалерийских эскадронов. Австро-Венгрия поступила аналогичным образом и увеличила численность пограничных войск на 18 кавалерийских эскадронов и 13 полевых батарей; 3) Второй рейх к обозначенному времени возвел мощный стратегический плацдарм из крепостей Торн – Познань – Данциг – Кёнигсберг. В империи Габсбургов также уделяли особое внимание укреплению фортификаций Перемышля и Кракова; 4) с 1881 г. блок Центральных держав построил в своих восточных владениях 9,300 км новых железных дорог, в то время как на вдвое большем по площади западном пограничном пространстве России было проложено всего 2,828 км железнодорожных путей. «Достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться какой густой сетью [железных] дорог окружена пограничная полоса России и наоборот, какими незначительными числом путей она может поддерживать свои силы, расквартированные в мирное время на западе, – восклицал генерал-майор А. Н. Куропаткин. – Не только со стороны Германии, но и Австро-Венгрии русским пределам угрожает быстрое вторжение». На основании изложенного автор делал закономерный вывод, отражавший основную суть российской военной стратегии над данным историческом этапе: «России остается одно – увеличивать готовность крепостей и усиливать число войск, расположенных в приграничных округах, чтобы не быть захваченной врасплох» [17].

«Военная тревога» зимой 1887 – 1888 гг. привлекла пристальное внимание и военных экспертов Великобритании. К февралю 1888 г. специалисты Разведывательного департамента в Лондоне составили пространный доклад «Стратегический аспект западных границ России». В меморандуме рассматривались возможные сценарии войны России как с коалицией Германии и Австро-Венгрии, так и с каждой страной по отдельности. Согласно выводам британских военных аналитиков, несмотря на сильно укрепленные оборонительные позиции в Царстве Польском, блок Центральных держав за счет развитой системы железнодорожного сообщения и, как следствие, более высокой скорости мобилизации обладал наступательной инициативой и имел значительное преимущество перед империей Романовых при развертывании своих

войск со стороны Восточной Пруссии и Галиции. Однако мощная позиция в среднем течении Вислы в виде системы крепостей Варшава – Новогеоргиевск – Ивангород – Брест-Литовск при определенном стечении обстоятельств, по мнению составителей документа, позволяла России беспрепятственно обеспечить сосредоточение своих армий и нанести последовательный удар по разрозненным силам своих противников. При этом военные специалисты Соединенного королевства верно определили основные контуры действий российской стороны, подразумевавшие формирование «Главной армии» на Висле, «Армии наблюдения» на Немане против Германии и «Армии вторжения» в районе Киева для наступления в Галицию. В итоге авторы документа пришли к резонному заключению, что при таких вводных успех одной из сторон конфликта зависел в первую очередь от «умелого полководческого искусства» [34, р. 22–26, 68].

Выводы

Опираясь на методические разработки историка О. Е. Алпеева, анализ документации стратегических военных игр первой половины 80-х гг. XIX в. позволяет сделать следующие обобщающие выводы.

В результате совместной деятельности российского Главного штаба и штаба Варшавского военного округа осуществлялась последовательная проверка и оптимизация основных положений плана войны против Германии и Австро-Венгрии, разработанного в 1880 г. По итогам проводимых военных игр в первой половине 80-х гг. XIX в. в Варшавском военном округе составлялся широкий перечень рекомендаций, который учитывался военными специалистами в Петербурге при составлении программы крепостного строительства и при изменении дислокации отдельных войсковых соединений в мирное время. Данный подход позволял поэтапно увеличивать обороноспособность Российской империи на ее западных границах.

К концу 80-х гг. XIX в. это позволило значительно повысить наступательные и оборонительные возможности России, что подтверждается не только повышением количественным показателей, но и положительной оценкой перспектив вероятного вооруженного столкновения России с блоком Центральных держав, результат которого отныне не определялся только техническим превосходством Германии и Австро-Венгрии.

Список источников и литературы

1. *Австро-Венгрия*. Отд. 1. Общая статистика. СПб.: Воен. учен. ком. Гл. штаба, 1875. 146 с.
2. *Австро-Венгрия*. Дополнения и изменения к отделу 2. Вооруженные силы. СПб.: Воен. учен. ком. Гл. штаба, 1881. 208 с.
3. *Айрапетов О. Р.* Генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев (1830 – 1904): портрет на фоне эпохи : биография. М.: Русская книга : Алгоритм, 2017. 496 с.
4. *Айрапетов О. Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914 – 1917): 1914 год: Начало. М.: Кучково поле, 2014. 640 с.
5. *Алпеев О. Е.* Война после победы?.. Планы генерала Н. Н. Обручева на случай конфликта с коалицией Великобритании, Австро-Венгрии и Турции (1878 г.) // Вопросы истории. 2021. № 11. С. 28–55.
6. *Алпеев О. Е.* Документы стратегических военных игр генерального штаба русской армии 1906 – 1914 гг.: источниковедческое исследование : дис. ... канд. ист. наук. : 07.00.09 / Алпеев Олег Евгеньевич. М., 2014. 442 с.
7. *Алпеев О. Е.* На пути к Каннам. Планирование «похода в Восточную Пруссию» в штабе Варшавского военного округа, 1872 – 1914 гг. // Русский сборник: исследования по истории России. М.: Модест Колеров, 2011. Т. 10. С. 183–260.
8. *Власов Н. А.* Гельмут фон Мольтке – полководец индустриальной эпохи. СПб: СПбГУ, 2011. 356 с.
9. *Германия*. Отд. 1. Общая статистика. СПб: Воен. учен. ком. Гл. штаба, 1875. 238 с.

10. *Германия*. Отд. 3. Военный обзор восточных областей. СПб.: Воен. учен. ком. Гл. штаба, 1882. 790 с.
11. *Зайончковский А. М.* Подготовка России к мировой войне: планы войны (1914 – 1918 гг.). Репр. изд. М. : URSS : Ленанд, 2021. 448 с.
12. *Зайончковский П. А.* Военные реформы 1860 – 1870 гг. в России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1952. 368 с.
13. *История внешней политики России*: В 5 т. Т. 4: Вторая половина XIX века (От Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М.: Академ. проект : Парадигма, 2018. 385 с.
14. *Куропаткин А. Н.* 70 лет моей жизни: воспоминания А. Н. Куропаткина. В 3 т. Т. 2. Челябинск: Авто Граф, 2023. 558 с.
15. *Милютин Д. А.* Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1865–1867 / под ред. Л. Г. Захаровой. М.: РОССПЭН, 2005. 694 с.
16. *Милютин Д. А.* Дневник. 1873 – 1882. Т. 2. М.: Захаров, 2016. 543 с.
17. *Новое время*. 1887. 4 (16) дек.
18. *Особое прибавление к описанию Русско-турецкой войны 1877 – 78 гг. на Балканском полуострове*. Вып. 6. Документы из секретных бумаг ген.-ад. Милютина. СПб.: Воен.-ист. комиссия Гл. упр. Ген. штаба, 1911. 380 с.
19. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 169. К. 37. Ед. хр. 11.
20. *Очерк деятельности Военного министерства за истекшее десятилетие благополучного царствования государя императора Александра Александровича. 1881 – 1890*. СПб.: Воен. тип., 1892. 323 с.
21. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 4. Д. 445.
22. РГВИА. Ф. 401. Оп. 2. 1867. Д. 69.
23. РГВИА. Ф. 401. Оп. 2. 1868. Д. 75.
24. РГВИА. Ф. 401. Оп. 3. 1879. Д. 60.
25. РГВИА. Ф. 402. Оп. 2. Д. 60.
26. РГВИА. Ф. 402. Оп. 2. Д. 76.
27. РГВИА. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 94.
28. РГВИА. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 1669.
29. РГВИА. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 1670
30. РГВИА. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 1672.
31. РГВИА. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 1674.
32. *Ростунов И. И.* Русский фронт Первой мировой войны. М.: Наука, 1976. 387 с.
33. *Систематический сборник очерков по отечествоведению / под ред. ген.-лейт. Ф. А. Фельдмана*. СПб.: Воен. тип., 1898. Ч. 1–2. 438 с.
34. The Strategical aspect of the Western Frontiers of Russia // The National Archives, Kew. Public Records Office. War Office 106/6218, February, 1888. URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C3659082> .

References

1. *Avstro-Vengriya. Otd. 1. Obshchaya statistika*. (Austria-Hungary. Section I. General Statistics) 1875, St. Petersburg (In Russ.)
2. *Avstro-Vengriya. Dopolneniya i izmeneniya k otdelu II. Vooruzhennyye sily* (Austria-Hungary. Appendices and Edits to Section II. Military forces.) 1881, St. Petersburg. (In Russ.)
3. Ayrapetov, OR 2018, *General-adyutant Nikolay Nikolayevich Obruchev (1830 – 1904): portret na fone epokhi: biografiya* (Adjutant-General Nikolay N. Obruchev (1830 – 1904). Portrait on the background of the age), Russkaya kniga, Algoritm publ, Moscow. (In Russ.)
4. Ayrapetov, OR 2014, *Uchastiye Rossiyskoy imperii v Pervoy mirovoy voyne (1914 – 1917): 1914 god : Nachalo* (The Russian Empire's involvement in the First World War. 1914. The Beginning), Kuchkovo pole publ, Moscow. (In Russ.)
5. Alpeev, OE 2021, 'Voyna posle pobedy?.. Plany generala N. N. Obrucheva na sluchay konflikta s koalitsiyey Velikobritanii, Avstro-Vengrii i Turtsii (1878 g.)' (War after Victory? (General

- N. N. Obruchev's plans for a conflict with a coalition of Britain, Austria-Hungary and Turkey (1878), *Questions of History*, no. 11, pp. 28–55. (In Russ.)
6. Alpeev, OE 2015, *Dokumenty strategicheskikh voennykh igr general'nogo shtaba russkoj armii 1906 – 1914 gg.: istochnikovedcheskoe issledovanie* (Documents of the strategic war games of the General Staff of the Russian Army 1906 - 1914: source study), PhD thesis, RGGU publ, Moscow (In Russ.).
  7. Alpeev, OE 2011, *Na puti k Kannam. Planirovaniye «pokhoda v Vostochnuyu Prussiyu» v shtabe Varshavskogo voyennogo okruga, 1872–1914 gg.* (On the road to Cannes. Planning the "march to East Prussia" at the Warsaw Military District headquarters, 1872 – 1914), Russian Digest: studies of the Russian History, vol. 10, Moscow, (In Russ.)
  8. Vlasov, NA 2011, *Gelmut fon Moltke – polkovodets industrialnoy epokhi* (Helmut von Moltke is a military commander of the industrial age), SPBGU publ, St. Petersburg (In Russ.)
  9. *Germaniya. Otd. 1. Obshchaya statistika* (Germany. Section I. General statistics) 1875, Voen. uchen. kom. Gl. Shtaba publ, St. Petersburg (In Russ.)
  10. *Germaniya. Otd. 3. Voyennyi obzor vostochnykh oblastey.* (Germany. Section III. Military review of the eastern regions), 1882. Voen. uchen. kom. Gl. Shtaba publ, St. Petersburg (In Russ.)
  11. Zayonchkovskiy, AM 2021, *Podgotovka Rossii k mirovoy voyne: plany voyny* (1914 – 1918 gg.) (Russia's preparations for world war: war plans (1914 – 1918)), reprint, Moscow. (In Russ.)
  12. Zayonchkovskiy, PA 1952, *Voyennyye reformy 1860 – 1870 gg. v Rossii.* (Military reforms in Russia, 1860 – 1870), Izd-vo Mosk. un-ta publ, Moscow. (In Russ.)
  13. *Istoriya vneshney politiki Rossii. Vtoraya polovina XIX veka (Ot Parizhskogo mira 1856 g. do russko-frantsuzskogo soyuza)* (History of Russia's foreign policy: In 5 vols. Vol. 4. The second half of the 19th century (From the Peace of Paris in 1856 to the Russian-French alliance) 2018, vol. 4, Akadem. Proyekt publ, Paradigma publ, Moscow. (In Russ.)
  14. Kuropatkin, AN 2023, *70 let moyey zhizni: vospominaniya A. N. Kuropatkina* (70 years of my life: A.N. Kuropatkin), Vol. 2, Avto Graf publ, Chelyabinsk. (In Russ.)
  15. Milyutin, D.A. 2005, *Vospominaniya general-fel'dmarshala grafa Dmitriya Alekseevicha Milyutina. 1865 – 1867 / pod red. L. G. Zaharovoj* (Memoirs of Field Marshal Count Dmitry Alekseevich Milyutin. 1865 – 1867). ROSSPEN, Moscow (In Russ.).
  16. Milyutin, DA 2016, *Dnevnik. 1873 – 1882.* (Diary. 1873 – 1882), vol. 2. Moscow. (In Russ.)
  17. *Novoye vremya* 1887 (New Time), 4 December. (In Russ.)
  18. 'Dokumenty iz sekretnykh bumag gen.-ad. Milyutina' (Documents from the secret papers of the Adjutant-General Milyutin) 1911, *Osoboye pribavleniye k opisaniyu Russko-turetskoy voyny 1877 – 78 gg. na Balkanskom poluostrove* (Special Appendices to Historical Study of Russo-Turkish war 1877 – 1878 on Balkan peninsula), vol. 6, Voen.-ist. komissiya Gl. upr. Gen. shtaba publ, St. Petersburg (In Russ.).
  19. *Otdel rukopisey Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki.* (Department of Manuscripts of the Russian State Library), fund 169, inventory 37, file. 11 (In Russ.)
  20. *Ocherk deyatelnosti Voyennogo ministerstva za isteksheye desyatiletie blagopoluchnogo tsarstvovaniya gosudarya imperatora Aleksandra Aleksandrovicha 1881 – 1890* (Essay on the activities of the Military Ministry over the past decade of the prosperous reign of Emperor Alexander Alexandrovich. 1881 – 1890) 1892, Voen. tip. publ, St. Petersburg (In Russ.)
  21. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv* (RGVIA) (Russian State Military Historical Archive), fund. 400, inventory, 4. File 445. (In Russ.)
  22. RGVIA, fund 401, inventory 2, 1867, file 69. (In Russ.)
  23. RGVIA, fund 401, inventory 2, 1868, file 75. (In Russ.)
  24. RGVIA, fund 401, inventory 3, 1879, file 60. (In Russ.)
  25. RGVIA fund 402, inventory 2, file 60. (In Russ.)
  26. RGVIA fund 402, inventory 2, file 76. (In Russ.)
  27. RGVIA fund 1859, inventory 1, file 94. (In Russ.)
  28. RGVIA fund 1859, inventory 1, file 1669. (In Russ.)
  29. RGVIA fund 1859, inventory 1, file 1670. (In Russ.)
  30. RGVIA fund 1859, inventory 1, file 1672. (In Russ.)
  31. RGVIA fund 1859, inventory 1, file 1674. (In Russ.)

32. Rostunov, II 1976, *Russkiy front Pervoy mirovoy voyny* (Russian front of the Great War), Nauka publ, Moscow. (In Russ.).
33. F.A. Feldman (ed.) 1898, *Sistematicheskii sbornik ocherkov po otechestvovedeniyu* (Systematic collection of essays on Fatherland studies), part 1-2, 1898, Voen. tip. publ, St. Petersburg (In Russ.).
34. *The National Archives, Kew (TNA). Public Records Office. War Office (WO) 106/6218. The Strategical Aspect of the Western Frontiers of Russia, February 1888*, <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C3659082>

Статья поступила в редакцию: 09.03.2023
Одобрена после рецензирования: 24.03.2023
Принята к публикации: 27.03.2023

The article was submitted: 09.03.2023
Approved after reviewing: 24.03.2023
Accepted for publication: 27.03.2023